

УТВЕРЖДАЮ

Ректор ФГБОУ ВПО «Новосибирский
государственный педагогический университет»

проф. А.Д. Герасёв

24 февраля 2016 г.

Отзыв

ведущей организации о диссертации Цай Мин

на тему «Проблемы эволюции от поэзии к прозе в творчестве И.С. Тургенева 1843 – 1847 годов», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература (филологические науки)

Тема диссертационного исследования Цай Мин – «Проблемы эволюции от поэзии к прозе в творчестве И.С. Тургенева 1843 – 1847 годов» – относится к числу периферийных тем современного тургеневедения. Как известно, основное внимание традиционно привлекают романы. В этом ее положении заключен большой потенциал новизны, который соискательница старается использовать, по-новому актуализируя ранний этап творчества писателя. Отдавая должное исследованиям, посвященным изучению поэтического начала творчества Тургенева, интерпретации первой прозы как лаборатории будущего романиста, проблемам жанрового и стилевого разнообразия, богатого будущими находками, соискатель ставит задачу взглянуть на период середины 1840-х годов, когда Тургенев пишет и стихи, и прозу, как на переходный и оценить само качество переходности с точки зрения формирования художественного языка писателя. Учитывая переходность как явление литературного процесса – от романтизма к реализму, от доминирования поэзии к прозе и пр., Цай Мин усложняет задачу, определившую в конечном счете новизну исследования. Суть новизны

исследования состоит в обосновании индивидуальных творческих причин, побудивших Тургенева отдать предпочтение прозе. Другими словами, фигура и фон в этом случае меняются местами: не логика литературного процесса определяет выбор писателя, но сам выбор как следствие развития субъективного творческого мышления определяет степень совпадения или расхождения с закономерностями и тенденциями литературного процесса. Новизной обладает и другой посыл, направляющий исследование: поэзия, подготавливая прозу, по мысли соискателя, одновременно не давала достичь тех результатов, которых писатель мог добиться как прозаик (тезис Введения). «Проза в таком случае оказывается как бы “выше” и “лучше” поэзии – такова логика творческой эволюции Тургенева», – утверждает автор, и это утверждение, надо признать, выглядит довольно смелым. Собственно все исследование и посвящено доказательству этой гипотезы. Актуальность такого поворота исследования – соотношение прозы и поэзии в творческой истории писателя, процессов их сопряжения, конфликтности, взаимодействия, логика переходов как вектор творческой эволюции, результат индивидуального выбора – не вызывает сомнения.

С этой точки зрения выбор предмета анализа представляется вполне обоснованным. Соискатель не идет традиционным путем родо-видового, жанрового сопоставительного анализа. Работа строится на исследовании нескольких уровней поэтики, общих как для прозы, так и для поэзии. Именно последнее обстоятельство, по мысли соискателя, определяет выбор *сюжета, портрета, пейзажа* в качестве своего рода общих «срезов» поэтики прозаического и поэтического текстов. Сообразно этому выбору строится и композиция диссертации: каждый уровень исследован в отдельной главе.

Первая глава «Сюжет» посвящена исследованию сюжетов, микросюжетов, соотношению сюжетных и внесюжетных элементов в поэмах, повестях, рассказе Тургенева. Последовательно придерживаясь своей концепции, соискатель старается обращать внимание не только на типологические стороны построения сюжетов, обусловленные собственно

жанром, литературными традициями, но и на те «рамочные» проявления построения сюжетов, которые препятствовали реализации замысла Тургенева. Композиционно глава, как и две последующие, делится на микроразделы, каждый из которых последовательно посвящен анализу одной из поэм или повестей. Этот принцип «цепочки», как известно, имеет как преимущества (сосредоточенность на тексте), так и недостатки. Во всяком случае исследователю трудно избежать повторов в выводах, практически невозможно провести сопоставление близких приемов. В то же время этот принцип организации материала имеет свои преимущества: каждый раз в том или ином тексте выбирается разный авторский экспериментальный ракурс, что, с одной стороны, создает картину не вполне достоверную (берясь за новый текст, писатель будто бы ставит задачу написать его совершенно по-новому с точки зрения формы), а с другой – методом накопления разных приемов от текста к тексту мы в итоге получаем многоаспектную картину творческих экспериментов/поисков Тургенева.

Обобщив наблюдения, содержащиеся в подразделах, отметим наиболее значимые. Авторская работа с бессобытийностью сюжета в «Параше» («главное то, что в поэме не произошло»); расширение смыслового потенциала несобытийности в «Андрее» (несобытие как выбор героя, а не стечение обстоятельств), объективация автора; игровое вариативное сюжетное строение в «Помещике», расширение рефлексивного повествовательного поля и его реструктуризация в пользу повествователя; наконец, попытки выхода за пределы возможностей бессобытийной реалистической поэмы, – вот направление, в котором писатель, по мысли соискателя, двигался от поэмы к прозе. В следующих подразделах первой главы так же поочередно проанализирована проза, повести и рассказ: «Андрей Колосов», «Три портрета», «Бретёр», «Жид», «Петушков». Проза, написанная «между» поэм и параллельно им, позволяет соискателю сопоставить принципы разработки сюжета и в этом ракурсе увидеть новые возможности прозы, ограниченные законами поэтического, пусть даже лиро-

эпического произведения. С нашей точки зрения, эта часть исследования представляет наибольший интерес во всей работе. Основное внимание здесь уделено тургеневской разработке повествовательной структуры, что позволило писателю – на стыке перехода (поэма/повесть) – не просто преодолеть сюжетные ограничения поэмы, но использовать их как важный ресурс при расширении сюжетных возможностей прозы. Выделим продуктивные и убедительно аргументированные соображения по поводу «эмансипации» писателя от поэм при частичном сохранении собственных поэтических наработок в «Андрее Колосове»: поиски эквивалента лирического героя без автора, способы введения псевдолирического начала, «неуверенности» субъективного тона и проч. Если «Андрей Колосов» и «Три портрета», по мысли соискателя, сохраняют очевидную связь с поэмами, то повесть «Бретер» рассматривается в аспекте решительного поворота к прозе. В качестве аргументов приводятся отсутствие «лирического начала», отказ от стремления создать вполне очерченный «образ автора» (как в поэмах), но главным образом – разработка приемов «объективного» повествования от третьего лица, усиление событийности сюжетного плана. В таком же экспериментальном смысле рассматриваются в работе рассказ «Жид» и повесть «Петушков». Нельзя не согласиться с суждениями о том, что Тургенев успешнее всего экспериментировал с повествовательной сферой, разнообразно меняя ее регистры, имитируя «разные сорта слога», как выражался герой Достоевского, при том, что событийная сторона прозаического сюжета осваивалась им менее успешно.

Вторая глава «Портрет» выглядит гораздо более традиционно в тургеневедческом смысле, что не делает ее менее значимой в рамках концепции работы, поскольку основное внимание здесь уделяется средствам, позволяющим придать динамичность сюжетному рисунку героев, ограниченному рамками реалистической поэмы, «в которой ничего не происходит». Здесь интересны наблюдения по поводу того, как Тургенев, оставаясь по большей части в рамках принятой техники, часто используя

шаблонные приемы, пытается «усовершенствовать» их функционально, придавая динамику, компенсирующую отсутствие таковой в сюжете. Основные приемы, выделенные в работе (техника нескольких портретов героя, психологизация портрета, соотношение обобщенных, статических и динамических портретов, индивидуализация портрета и пр.), дают основание для выводов о возможном соотношении портрета героя в поэмах и прозе в пользу прозы, главным образом за счет существенного расширения сферы функций портрета в последнем случае. С этой точки зрения интерес представляют наблюдения по поводу отсутствия «технической» синхронности в продвижении к прозе. В частности, анализируя поэму «Андрей», соискатель приходит к выводу, что «искусство портрета опередило искусство сюжета», другими словами, если в отношении сюжетосложения Тургенев еще не выходит за жанровые рамки поэмы, то портрет здесь демонстрирует возможности, явно их превышающие. Интересны также наблюдения по поводу композиционной роли портрета в «Бретере», сюжет которого рассмотрен в первой главе как сюжет, полностью освободившийся от сюжетных ограничений поэмы, а также наблюдения по поводу символического объема портрета в рассказе «Жид».

Третья глава «Пейзаж» включает сопоставление пейзажа не только в поэмах и прозе, но и в лирике и прозе. В этой главе одно из концептуальных положений работы – проза в случае Тургенева оказывается как бы “выше” и “лучше” поэзии – обнаруживает явное противоречие. Этому способствует и вводная часть подраздела – Лирика, где соискатель приводит (и вполне разделяет) самые комплиментарные отзывы современников и исследователей о Тургеневе-поэте, тончайшем лирике. С этой точки зрения поэзия не может быть лучше прозы, и не у Тургенева только, а в целом (у каждой свои возможности), в крайнем случае можно говорить о том, что Тургенев как прозаик (в перспективе) оказался талантливее Тургенева-поэта (в ретроспективе).

Однако как только речь заходит о сопоставлении поэм и прозы,

заявленная концепция вновь обретает основания. Здесь анализ пейзажа позволяет рассматривать его особенности (стилевые, образные, функциональные) с точки зрения изменения творческого метода писателя. Пейзаж проанализирован в разных проекциях: с точки зрения романтической традиции, формирующейся поэтики натуральной школы и пр. Особенно ценно, что при этом именно пейзаж более всего приближает исследователя к мировоззренческим, философским основам мировосприятия Тургенева. Проза, и здесь соискатель убедителен, давала большую возможность индивидуального авторского самовыражения, поскольку поэтический язык Тургенева в какой-то мере остался законсервированным, пусть даже в рамках высокой поэтической традиции. Возможности пейзажа в прозе, по сравнению с пейзажем в поэмах, развернуты многовекторно: пейзаж прямо связан и сюжетом, особенно в его символической функции, и с героем, не только в психологическом, но и в характерологическом смыслах, и с автором, его картиной мира, наконец, нельзя не оценить повествовательную функцию пейзажа, по которой в дальнейшем безошибочно узнается стиль Тургенева. Все эти аспекты являются предметом тщательного сопоставительного анализа, проделанного, как и в предыдущих главах, потекстно.

В целом, с интересом ознакомившись с наблюдениями Цай Мин, признавая значимость проделанного исследования, не можем не выразить сожаления по поводу того, что обширный материал, так подробно и многосторонне разработанный, не получил развернутых аналитических обобщений. Выводы — поглавно и в заключении — отличаются крайним лаконизмом и не в полной мере представляют результаты работы, интересные во многих отношениях.

Основные результаты работы опубликованы в открытой печати, в том числе в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ (3 статьи). В автореферате представлены основные этапы работы, полученные результаты. Автореферат отражает основное содержание диссертации. Диссертация удовлетворяет требованиям, предъявляемым к кандидатским

диссертациям, изложенным в Положении ВАК РФ «О порядке ~~присуждения~~
ученых степеней» (п. 9, 10). Цай Мин заслуживает присуждения ~~ей~~ ~~учёной~~
степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – ~~русский~~
литература (филологические науки).

Отзыв составлен доктором филологических наук, профессором кафедры
русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики
преподавания литературы ФГБОУ ВПО «НГПУ» Печерской Татьяной
Ивановной.

Отзыв обсуждён и одобрен на заседании кафедры русской и зарубежной
литературы, теории литературы и методики преподавания литературы

19 февраля 2016 г., протокол № 6.

Зав. кафедрой русской и зарубежной литературы,
теории литературы и методики преподавания литературы
доц. Н.В. Константинова *Н.В. Константинова*

